

КУЛЬТУРА И ПИСЬМЕННОСТЬ

DOI: 10.31857/S086919080005205-2

СКАЗАНИЕ О БЕЙРЕКЕ В ТУРЕЦКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

© 2019

Т. А. АНИКЕЕВА

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-0653-3970; tatiana.anikeeva@gmail.com

Резюме: «Рассказ о Бамси-Бейреке, сыне Кан-Буры» является в хронологическом отношении наиболее ранним сказанием в составе огузского книжного эпоса «Китаб-и дедем Коркут». Вплоть до самого недавнего времени некоторые сказания, относящиеся к этому эпосу, продолжали бытовать в устном и письменном виде на территории современной Турции и Закавказья. К ним относится, прежде всего, и сказание о Бейреке, принявшее форму народной повести с соответствующими жанровыми особенностями. В то же время повесть о Бейреке продолжала сохранять связь с огузским эпосом.

Ключевые слова: эпос, Турция, огузы, сказание о Бейреке, народная повесть.

Для цитирования: Аникеева Т. А. Сказание о Бейреке в турецком фольклоре. *Восток (Oriens)*. 2019. № 3. С. 122–129. DOI: 10.31857/S086919080005205-2

THE STORY OF BAMSI-BEYREK IN TURKISH FOLKLORE

Tatiana A. ANIKEEVA

Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia;
ORCID ID: 0000-0002-0653-3970; tatiana.anikeeva@gmail.com

Abstract: “The Story of Bamsi-Beyrek, the son of Kan-Bura” is the earliest tale in the composition of the Oghuz epos “Kitab-i Dedem Korkut”. Kitab-i dedem Korkut, or The Book of Dede Korkut, is the only medieval epic of the Turkic peoples that has come down to us in a written form. “The Book of Dede Korkut” (according to the Dresden manuscript) consists of twelve songs-legends, which tell of the exploits of the Oghuz heroes. The main plot whose core is framed by these stories, is the struggle of the Oghuz tribes against the infidels, non-Muslims (kafir) in the lands of Asia Minor, as well as constant internecine strife among the Oghuz themselves. This text reflects both the events of early Turkic semi-legendary history (not only historical facts, but also a set of mythological beliefs) and later events connected with the spread of their power in Asia Minor and with their contacts with Byzantium. The stories that comprise The Book of Dede Korkut display a clear connection with both the common Turkic literary and folk tradition and more recent strata. Until very recently some legends related to this epic continued to exist in oral and literal form on the territories of modern Turkey and Transcaucasia. These include the story of Beyrek, that took the form of the Turkish folk narrative hikaye with the relevant genre characteristics. The hikâye is a prosaic text that includes folk songs and verses (hikâye is also closely associated with Turkish folk poetry which is based on the syllabic metre) sometimes transmitted orally by story-tellers, meddahs; it existed for a long time mainly in South and East Turkey since the Middle Ages. The main peculiarity of this genre is its existence in both oral and written traditions. At the same time, the story of Beyrek continued to keep common features with the Oghuz epic.

Keywords: epos, Turkey, the Oghuz, story of Beyrek, Turkish folk narrative.

For citation: Anikeeva T.A. The Story of Bamsi-Beyrek in Turkish Foklore. *Vostok (Oriens)*. 2019. № 3. Pp. 122–129. DOI: 10.31857/S086919080005205-2

«КНИГА МОЕГО ДЕДА КОРКУТА» – СРЕДНЕВЕКОВЫЙ КНИЖНЫЙ ЭПОС ОГУЗОВ

«Китаб-и дедем Коркут» («Книга моего деда Коркута», полное название – «Книга моего деда Коркута на языке племени огузов») является единственным сохранившимся памятником книжного эпоса у тюркских огузских народов. Во многом именно поэтому он всегда представлял особый интерес для тюркологов, а также ученых, занимающихся сравнительным исследованием фольклора и типологией фольклора.

«Книга моего деда Коркута» (согласно Дрезденскому списку) состоит из двенадцати песен-сказаний, повествующих о подвигах огузских богатырей. Основным сюжетообразующим стержнем, вокруг которого группируются сказания эпоса, является борьба огузских племен с неверными, не-мусульманами (*гяурами*) на землях Малой Азии (Восточной Анатолии) и Закавказья. Кроме того, огузские беги объединены вокруг фигуры эпического певца, мудреца и «патриарха племени» Коркута. Сказания, составляющие «Книгу моего деда Коркута», довольно четко группируются вокруг определенных героев этого эпоса – Салор-Казана, Бамси-Бейрека, так называемых младших богатырей (Амрана, Икенка).

Сказания о «младших богатырях» объединены рядом общих эпических мотивов – как довольно древних и свойственных тюркскому эпосу в целом (например, освобождение героем своего отца из плена), так и поздних, проявившихся в сказаниях, созданных, по всей вероятности, уже на территории Малой Азии под влиянием местных литературных традиций, прежде всего греческой, армянской и грузинской.

«Китаб-и дедем Коркут» хронологически неоднородна: принято разделять более ранние и относительно поздние сказания. К наиболее поздним по времени создания, по-видимому, относятся «Рассказ об удалом Домруле, сыне Дука-коджи» и «Рассказ о Кан-Турали, сыне Канлы-коджи»: они сложились уже на территории Малой Азии после переселения огузов в Закавказье и «по содержанию... связаны с малоазиатскими сказаниями с центром распространения в греческом Трапезунте» [Жирмунский, 1974, с. 575].

Наиболее ранним, сохранившим в себе следы архаической богатырской сказки можно считать третье сказание «Книги Коркута» – «Рассказ о Бамси-Бейреке, сыне Кан-Буры» (III). В центре этого сказания – история богатыря по имени Бамси Бейрек, который попал в плен к *гяурам* и затем – неузнанный – оказывается на свадьбе у своей суженой. Будучи одним из наиболее древних сказаний «Книги Коркута», в сюжетном отношении оно тесно связано с эпической традицией многих тюркских народов Поволжья, Закавказья, Средней и Центральной Азии, где главный герой этого сказания известен под именем Алпамыш¹.

СКАЗАНИЕ О БЕЙРЕКЕ В ТУРЕЦКОМ ФОЛЬКЛОРЕ XX в.

Вплоть до самого недавнего времени некоторые сказания, относящиеся к циклу «Книга моего деда Коркута», продолжали бытовать на территории современных Турции и Закавказья (Южного Кавказа). К ним относится прежде всего и сказание о Бейреке, которое продолжало свое дальнейшее существование в рамках совершенно иного,

¹ В свою очередь, в основе эпического сказания об Алпамыше лежит архаическая богатырская сказка, элементы сюжета которой широко распространены в сказочном эпосе тюркских и монгольских народов Южной Сибири и Центральной Азии: ее герой, имеющий сверхъестественное происхождение, отправляется за своей невестой в далекие страны (см.: [Жирмунский, 1962]).

гораздо более позднего жанра турецкой традиционной словесности – жанра народной повести.

Турецкая народная, или городская, повесть, *хикайат* (*hikaye*) – жанр турецкой народной словесности, занимающий пограничное место между устной и литературной традицией. Это прозаические тексты новеллистического или фантастического содержания, некогда бытовавшие исключительно в устной форме; зачастую они представляют собой фольклоризованные версии известных на Ближнем Востоке литературных сюжетов или же, как в случае с повестью о Бейреке, являются частью большего эпического цикла (см.: [Аникеева, 2011]). К подобным повестям относят рассказы прозаической версии известного на Кавказе, Ближнем Востоке и Средней Азии эпического сказания о Кёр-оглу, получившей широкое распространение в Малой Азии, а также ряд других сюжетов, как, например, «Ильбейлиоглу» (“İlbeylioglu”), «Повесть о Шах-Исмаиле» (“Şah-İsmail”), «Джелали-бей и Мехмед-бей» (“Celali Bey ile Mehmet Bey”), «Кирманшах» (“Kırmanşah”) и др. Большая часть этих повестей генетически связана с устной эпической традицией, а также с волшебной сказкой.

Документально подтвержденные свидетельства устного исполнения народной повести относятся приблизительно к периоду с XVIII по середину XX в., хотя сами истоки *хикайата* как жанра турецкого фольклора исследователи склонны возводить к более раннему времени.

На сегодняшний день исследования, посвященные бытованию сказания о Бамси-Бейреке в виде народной повести, практически отсутствуют. Различные версии повестей о Бейреке, бытовавшие в том или ином виде в Турции, были собраны в издании Турецкого лингвистического общества (Türk dili kurumu) 1939 г. знаменитым фольклористом Пертевом Наили Боратавом (1907–1998) и с тех пор не переиздавались: ныне даже само это издание [Boratav, 1939] представляет собой библиографическую редкость².

В это издание вошли так называемые Бейшехирская (Beuşehir rivayeti) и Мейданская повести, представляющие собой записанные соответственно в Бейшехире и в селении Мейдан от информантов различные варианты повести о Бейреке, два рукописных текста повести о Бейреке, хранящихся в библиотеке Стамбульского университета под одним инвентарным номером (№ 239), а также несколько небольших текстов, обнаруженных П. Н. Боратавом в *джонках* – антологиях турецкой народной песенной поэзии. Последние в территориальном отношении происходят из Коньи (во всяком случае, П. Н. Боратав отмечает, что обнаружил эти сборники именно там [Boratav, 1939]). В одном из них встречаются даты 1252 и 1282 г.х. (соответственно 1836 и 1865 гг.).

«Бейшехирская» версия народной повести о Бейреке была записана П. Н. Боратавом в 1934 г. от жителя г. Бейшехир на юго-западе Турции. По словам информанта П. Н. Боратава, торговца Карабета-аги, он слышал ее от своего знакомого Аракела-аги, на тот момент уже умершего. Откуда, в свою очередь, Аракел-ага ее узнал, информанту неизвестно, однако он уверен, что он где-то «вычитал ее». По словам Карабета-аги, Аракел также играл на сазе и «сочинял стихи»; стихотворные фрагменты данного текста, по словам Карабета-аги, Аракел также сопровождал игрой на сазе [Boratav, 1939, с. 5]. Таким образом, даже приведенная Боратавом история происхождения данного конкретного текста – от неизвестного книжного источника (им могла быть или рукопись этого текста,

² По словам В. М. Жирмунского [Жирмунский, 1962, с. 209], известно также и о некоей армянской версии повести «из Кесарии», которая опубликована в: [Macier, 1928, р. 150–158]. Кроме того, «в Байбурте существует легендарная могила Бей-Бейрека. Имя Бейрек было широко распространено у жителей деревень, окружавших Байбурт. Среди армян, живших до Первой мировой войны в деревне Алмышка, расположенной в этом районе, некоторые семьи считали себя потомками Бейрека и армянской княжны, властительницы Байбурта» [Жирмунский, 1962, с. 209].

или литографское издание повести³) – к некоему «сказителю» и затем, изустно, к его «ученику» – наглядно иллюстрирует особенность жанра турецкой народной повести, а именно бытование между книжной и устной традициями.

Вариант «Мейданской» повести о Бейреке был записан (опосредованно, учеником Боратава Ахмедом Харманджи) от Шериф-кадын, полуграмотной 55-летней крестьянки из Мейдана, деревни неподалеку от Коньи. П. Н. Боратав особо отмечает, что она едва умела читать и никогда в жизни не покидала окрестности Коньи [Boratav, 1939, s. 54], а различные хикайаты, в особенности *тюркю*⁴ ашыка Караджаоглана, она узнала от своего отца.

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВЕСТИ О БЕЙРЕКЕ

На первый взгляд, повесть о Бейреке находится всецело в рамках жанра турецкого хикайата со всеми его особенностями: традиционными формулами зачина и концовки, стилистическими клише, стихотворными фрагментами, персонажами, географией, поворотами сюжета.

Сюжет народной повести о Бейреке – приключения сына «падишаха Огузского иля» Бея Бейрека (тур. *Bey Bira, Bey Beyri, Bey Böyre, Bey Böyrek*): в сопровождении своего коня он преодолевает множество препятствий, борется с коварными врагами и добывает себе невесту по имени Ал Кавак Кызы (тур. *El Kavak Kızı*, диалект. *Dalgavaq Gızı*). Иными словами, фабула повести является достаточно традиционной и типичной для турецкой народной повести, сюжетную основу которой составляет изложение героических деяний и странствия главного героя.

В то же время народная повесть о Бейреке сохраняет ряд сюжетных особенностей, которые позволяют возводить ее к эпическому прототипу сказания о Бамси-Бейреке. Прежде всего, главный герой повести, Бейрек, появляется на свет одновременно с жеребенком, который станет его волшебным конем. Здесь можно увидеть реализацию древнейшего мотива тюркского эпоса: спутником богатыря Алпамыша является его крылатый конь *тулпар* Байчибар, а Бамси-Бейрек сказания «Книги моего деда Коркута» ездит на «сером [морском] жеребце» (*bir deniz kulunu boz aygır*), который был приобретен ему еще при рождении. *Тулпар* – в мифологии различных тюркских народов (у башкир, казахов, татар, киргизов) – волшебный крылатый конь, фигурирующий в эпосе и волшебных сказках; в эпосе об Алпамыше «способный на превращения и наделенный сверхчеловеческим разумом» [Жирмунский, 1962]. Что касается «серого [морского] жеребца» (*Boz Aygır*) «Книги моего деда Коркута», то этот образ не до конца ясен (в частности, не вполне понятна природа его связи с водой/морем; подробнее см.: [Аникеева, 2018, с. 189–192]). Вполне вероятно, что этот образ «водяной лошади» (дракона?) в целом имеет нетюркское происхождение, и в сказаниях «Книги моего деда Коркута» контаминируется с традиционным для тюркского эпоса древним образом волшебного богатырского коня, наделенного чудесными свойствами. В Бейшехирской повести, а также в рукописных вариантах и в варианте повести из Мейдана, коня Бейрека зовут Бенли-Боз,

³ Говоря о книжном бытовании турецкой народной повести, можно подразумевать, прежде всего, записи различных версий сюжетов *хикайатов*, поначалу только рукописные (см., например, большое количество таких списков в коллекции ИВР РАН: «Арзу и Канбар» 1779 г., «Исмаил-шах»: конец XVIII–XIX в., «Тахир и Зухра», датированная 1266 г.х., «Фархад и Ширин», 1757–1758 гг. [Дмитриева, 2002, с. 454–479]), а затем бытовавшие и в виде литографий, рассчитанные на широкий круг читателей, прежде всего в городах. Такие литографированные издания повестей пользовались немалой популярностью и были широко распространены в Турции в XIX – первом десятилетии XX в. (более подробно см.: [Аникеева, 2011, с. 112–114]).

⁴ *Тюркю* – один из самых древних жанров турецкого лирического песенного фольклора. *Тюркю*, исходя из своего содержания, музыкального сопровождения (традиционно это был *саз* – струнный инструмент), мелодии, имеет множество разновидностей.

или Бенги-Боз (*Benli Boz / Bengi Boz*), что, по мнению некоторых исследователей, напрямую восходит к *Boz Aygır* Бамси-Бейрека в «Книге Коркута» (см., например: [Gökyay, 2000, с. 331]). Характерно, что и свое имя конь получает тогда же, когда именем нарекают его хозяина, сына падишаха.

Более того, архаическим и восходящим к самым древним образцам тюркского эпического фольклора является как сам обряд наречения богатыря именем, так и мотив бездетности правителя и чудесного появления на свет самого богатыря. Оба этих мотива так или иначе реализуются и в «Книге моего деда Коркута»: о рождении ребенка бездетный Баюндур-хан возносит молитву Всевышнему, а Бамси-Бейрек в огузском эпосе получает имя сразу после совершения своего первого подвига – защиты купцов с их товаром от нападения неверных-*гяуров* (см.: [Книга моего деда Коркута, 1962, с. 32–35]).

Как уже было сказано, Бейшехирская повесть, как и вариант, записанный в с. Мейдан, а также и рукописные варианты, содержат большое количество стилистических клише, характерных для жанра *хикайата* и связанных с его параллельным бытованием и в устной традиции, и в книжном виде. Турецкая народная повесть обладает довольно отчетливой формульной структурой, основанной на следующем композиционном принципе: четко выделяются начальные формулы, формулы смены эпизодов и ввода стихотворных отрывков; что касается концовок, то они, как правило, состоят из нескольких элементов, имеющих стилистические параллели в других жанрах тюркского фольклора. Будучи довольно устойчивой, с течением времени эта структура может претерпевать существенные изменения или даже местами нарушаться, как это происходит с новыми изданиями турецких городских повестей (например, изменяются или исчезают начальные формулы или концовки); однако она практически одинакова и для устного, и для книжного бытования *хикайата*.

Варианты повестей о Бейреке начинаются традиционным для турецкой народной повести зачином⁵:

Evveli vaktını birinde... («В прежние времена...») – Бейшехирская версия);

Râviyân-i ahbâr ve nâkilân-i asâr ve muhaddisat-ı ruzigâr şöyle rivayet ederler ki... («Те, кто передает [рассказывает] новости и старые легенды, рассказывают, что») – Стамбульская рукопись.

Стихотворные фрагменты (как правило, обращения главных героев *хикайата* друг к другу) также вводятся особыми стилистическими клише:

Aldı Bey Böyre («Сказал Бей Бейрек»);

Aldı koç; bakalım Bey Böyre ne diyecek («Сказал баран; посмотрим, что он скажет Бею Бейреку»);

Aldı kız («Сказала девушка»).

Задачей таких клише является маркировка поэтических фрагментов (*beyt*) в тексте турецкой народной повести⁶. Присутствие подобного клише в тексте повести явно отсылает к устной традиции, к устному аспекту ее бытования, когда рассказчику (*меддаху*) требуется обозначить *бейты*, произносимые героями.

⁵ В отличие от традиционного зачина турецких сказок (*bir varmış bir yokmuş*: «то ли было, то ли не было»), эта формула дает установку на истинность событий, о которых идет речь в повествовании (даже если эти события происходили «в незапамятные времена») (подробнее см.: [Аникеева, 2011]).

⁶ Эти фрагменты, как правило, выделяются особым шрифтом и орнаментом в литографированных изданиях народной повести и часто вводятся особым заглавием (например, *Beyt-i Tahir*) и в рукописных списках. Поэтические фрагменты турецкой народной повести, как правило, именуются *beyt*, *beyt* (بيت), реже – *тюрюк*, *türkü* (ترکی); в основном они имеют силлабическую ритмическую организацию, основанную на традиционной для тюркской народной поэзии силлабической системе стихосложения, обусловленной спецификой строя тюркских языков (см.: [Аникеева, 2011]).

Сами стихотворные фрагменты довольно типичны для турецкого *хикайата*: они представляют собой диалоги героев. Если текст прозаический является собственно повествованием (имеющим свои стилистические особенности), то поэтические фрагменты текста *хикайата* представляют собой, как правило, речи героев повести, обращенные друг к другу; стихи, произносимые тем или иным персонажем.

В. М. Жирмунский отмечает, что «анатолийская сказка» (как он называет повесть о Бейреке) «сохранила такие стихи диалогического характера, частично совпадающие между собой в различных ее вариантах и в эпосе: диалог между Бейреком и главою купеческого каравана, который приносит заключенному весть с родины; его диалог с дочерью гяура, с сестрой, узнающей пропавшего брата в переодетом страннике, с женой при пении свадебных частушек и др.» [Жирмунский, 1962, с. 209]. Однако данное утверждение не имеет каких-либо оснований (а также отсылок на источники): если в различных версиях *хикайата* о Бейреке стихотворные фрагменты действительно вполне закономерно совпадают, то ни о каком совпадении с эпическим текстом «Книги моего деда Коркута» речь не идет.

ТУРЕЦКАЯ НАРОДНАЯ ПОВЕСТЬ И ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА

Вопрос же о соотношении турецкой волшебной сказки и повести-*хикайата* является одним из важнейших в изучении турецкого фольклора и литературы: до сих пор не вполне ясно, в какой степени можно говорить о родстве этих жанров и можно ли говорить о существовании преемственности между ними (см., в частности: [Borataş, 1946]). Кроме того, некоторые *хикайаты* включают в себя различные эпизоды, обнаруживающие явное сюжетное родство со сказкой (такие повести выделяются в особую категорию «обрамленных» повестей)⁷.

В числе безусловно сказочных черт, присутствующих в турецкой народной повести, исследователями принято выделять также ряд персонажей, которые фигурируют и в турецкой волшебной сказке, и в сюжете *хикайата*. Это: святой Хызыр/Хызр, дэв/див, старуха-колдунья, дракон, Арап/Араб («Арабский пехлеван»), Дервиш, Кельоглан-плешивец. Как правило, данные персонажи в турецкой народной повести выполняют те же самые функции, что и в волшебной сказке. Так, святой Хызыр⁸ (или Дервиш, Дервиш-баба), появляющийся в облике белобородого старца, в турецкой городской повести, как и в волшебной сказке, выполняет роль *deus ex machina*, чудесным образом способствуя преодолению препятствий героем повести. В повести о Бейреке именно Дервиш-баба (в других вариантах Хызыр) помогает чудесному рождению сына у бездетного правителя, подарив падишаху яблоко⁹ с наказом отдать половину яблока жене, половину съесть самому и черенок отдать кобылице.

⁷ Довольно часто можно встретить включение сказочных эпизодов в текст *хикайата*. Известная турецкая народная повесть «Шахмеран», например, содержит повествование о пещере пророка Сулеймана, рассказ о стране обезьян и стране муравьев, т.е. сюжетов, широко распространенных в сказочном фольклоре Ближнего Востока.

⁸ Образ Хызыра в тюркской мифологии появился под влиянием ислама (см.: [Ögel, 2002]). Хыдыр, Хызыр (Хызр, Хизр) – персонаж мусульманской мифологии, вобравший в себя черты различных мифологических персонажей доисламского Ближнего Востока и имеющий широкое распространение и в мусульманском книжном предании, и в фольклоре; его считают покровителем путешествующих по морю, защитником от пожаров, наводнений и краж и т.д. (см.: [Басилов, 1980]). В турецком фольклоре (сказка, народная повесть) образ Хызыра часто сливается с образом Дервиша (*deriş, deriş baba*), который наделен магической, сверхъестественной силой и/или волшебными предметами [Стеблева, 2002, с. 17–19].

⁹ Данный мотив входит во многие сюжеты турецких волшебных сказок, вероятно, будучи разновидностью мотива сюжетного типа 183 III по «Указателю турецких сказок» В. Эберхарда – П. Н. Боратава: «Хызыр является дарителем волшебной вещи» [Eberhard, Borataş, 1953].

Географические названия, упомянутые в турецкой народной повести, в большей степени могут свидетельствовать о ее родстве с волшебной сказкой. Особенностью *хикайата* является то, что в его тексте присутствуют такие традиционные для фольклора страны названия, как Хинд, Чин/Чин-Мачин, Йемен, Кандагар, Хиндустан, Чин-Мачин, город Бадахшан, Карадаг¹⁰. Как правило, в *хикайате* эти географические названия употребляются точно так же, как и в турецкой волшебной сказке, – это могут быть места проживания главных героев или те, по которым странствует главный герой. Однако, в отличие от турецкой волшебной сказки, эти сказочные топонимы в тексте повести используются наряду с реально существующими географическими названиями Центральной и Восточной Анатолии и соседнего Ирана¹¹, как, например, крепость Энгерус (Engerus)¹² в рукописном варианте повести о Бейреке, а также в тексте, записанном от жительницы с. Мейдан.

В Бейшехирской повести о Бейреке мы встречаем наряду с Чином (Китаем) упоминания Японии, Парижа и Лондона (*“Benim evlat Çin’de mi, Çapunda mi, Paris’te mi, Londura’da mi arayıp bulacaksınız”*), однако в то же самое время народная повесть сохранила и память об эпическом «падишахе Огузского иля»/«Страны Огузов» (или «огузском падишахе» в Мейданской версии): *Oğuz ili padişahı*. В «Книге моего деда Коркута» Баюндур-хан – верховный хан всех огузов, а «страна огузов» (*Oğuz eli*) обозначает не только и не столько конкретное место обитания огузских племен в Малой Азии, но и место, противоположное враждебному краю неверных.

Очевидно, что и «страна огузов», равно как и Япония, Лондон и Париж (до которых расширилась мифологическая география *хикайата*) являются сказочными условными названиями, свидетельствуя, с одной стороны, о глубокой древности этого сюжета, а с другой, об относительно позднем его оформлении в жанр турецкой народной повести.

Таким образом, «Китаб-и дедем Коркут» в сюжетном отношении тесно связана с другими жанрами турецкого фольклора и литературы, получившими гораздо более позднее развитие и просуществовавшими вплоть до самого недавнего времени; вопрос же о прямой преемственности книжного эпоса и жанра народной повести в турецком фольклоре требует отдельного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Аникеева Т. А. Об образе «серого морского коня» в тюркском фольклоре. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. № 3. С. 189–192. [Anikeeva T. A. On the Image of the “Grey Sea Horse” in Turkic Folklore. *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2018. № 3. Pp. 189–192 (in Russian)]

Аникеева Т. А. *Турецкая городская повесть XIX в.* М.: Вост. лит., 2011. [Anikeeva T. A. *Turkish Folk Narratives of the 19th century*. Moscow: Vost. lit., 2011 (in Russian)]

Басилов В. Н. Мифология тюркоязычных народов. *Мифы народов мира. Энциклопедия*. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1980. С. 536–541. [Basilov V.N. Mythology of Turkic peoples. *Myths of the world. Encyclopedia*. Vol. 2. Moscow: Sov. ensyklopedia, 1980. Pp. 536–541 (In Russian)]

¹⁰ Как видим, почти все приведенные названия являются географическими названиями реально существующих местностей (Кандагар, Йемен, Бадахшан), однако в фольклоре Ближнего Востока они, как правило, выполняют роль сказочных топонимов.

¹¹ Так, в повести о Сюммани и Гюльпери *ашык* Сюммани преодолевает на пути к возлюбленной, которая живет в стране Чин-Мачин, в городе Бадахшан во дворце Аббас-хана», Ирак, Иран и Мазандеран, Индию и Афганистан, но вместе с тем на его пути встречаются такие реальные города Северо-Восточной Анатолии, как Карс, Эрзурум, Нариман и деревни Самикале (родная деревня *ашыка* Сюммани), Пыткар, Посхор, Чылдыр и многие другие.

¹² Крепость Энгерус также фигурирует в турецких исторических легендах: «Во время войны султан Баязид Йылдырым никак не мог взять крепость Энгерус; тогда он дал обет построить двадцать мечетей, и вот во сне открылись ему ворота крепости» [Гордлевский, 1960].

Гордлевский В. А. Османские сказания и легенды (серия первая). *Избранные сочинения*. Т. 1. М.: Вост. лит., 1960. С. 321–360. [Gordlevskiy V. A. Ottoman Legends and Tales (ser. 1). Selected Works. Vol. 1. Moscow: Vost. lit., 1960. Pp. 321–360 (in Russian)]

Дмитриева Л. В. *Каталог тюркских рукописей Института востоковедения Российской академии наук*. М.: Вост. лит., 2002. [Dmitriyeva L. V. *Catalogue of Turkic Manuscripts of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. Moscow: Vost. lit., 2002 (in Russian)]

Жирмунский В. М. Огузский героический эпос и «Книга Коркута». *Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос*. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 131–258. [Zhirmunskiy V. M. The Oghuz Heroic Epics and “The Book of Dede Korkut”. *The Book of Dede Korkut. The Oghuz Heroic Epics*. Moscow–Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1962. Pp. 131–258 (in Russian)]

Жирмунский В. М. *Тюркский героический эпос*. Л.: Наука, 1974 [Zhirmunskiy V. M. *Turkic Heroic Epics*. Leningrad: Nauka, 1974 (in Russian)]

Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос. Пер. В. В. Бартольда. Изд. подгот. В. М. Жирмунский, А. Н. Кононов. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. [The Book of Dede Korkut. The Oghuz Heroic Epics. Transl. by V. V. Barthold. Eds. V. M. Zhirmunskiy, A. N. Kononov. Moscow–Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1962 (in Russian)]

Стеблева И. В. *Очерки турецкой мифологии: По материалам волшебной сказки*. М.: Вост. лит., 2002. [Stebleva I. V. *Essays on Turkish Mythology: According to the Materials of the Fairy Tale*. Moscow: Vost. lit., 2002 (in Russian)]

Boratav P. N. *Bey Böyük hikayesine ait metinler*. Ankara: Türk dili kurumu basımevi, 1939. [Boratav P. N. *Texts concerning the Story of Bey Böyük*. Ankara: Türk dili kurumu basımevi, 1939 (in Turkish)]

Boratav P. N. *Halk hikayeleri ve halk hikayeciliği*. Ankara, 1946. [Boratav P. N. *Folk narratives and Folk Storytelling*. Ankara, 1946 (in Turkish)]

Eberhard W., Boratav P. N. *Typen der Türkischer Volksmarschen*. Wiesbaden, 1953.

Gökyay O. Ş. (ed.). *Dedem Korkudun Kitabı*. İstanbul: Milli eğitim basımevi, 2000. [Gökyay O. Ş. (ed.). *The Book of Dede Korkut*. İstanbul: Milli eğitim basımevi, 2000 (in Turkish)]

Macler F. *Contes, legendes et epopee de l'Armenie*. Paris, 1928.

Ögel B. *Türk mitolojisi (Kaynakları ve Açıklamaları ile Destanlar)*. II Cilt. Ankara: Türk tarih kurumu basımevi, 2002 [Ögel B. *Turkic Mythology (Sources, Explanations and Epic Texts)*. Vol. II. Ankara: Türk tarih kurumu basımevi, 2002 (in Turkish)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АНИКЕЕВА Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Tatiana A. ANIKEEVA – PhD (Philology), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia.